

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

УДК 94 (420)

ББК 63.3(4)61-61

Британская программа «восстановления Европы» 1922 г.: политико-дипломатические аспекты

О.А. Аришинцева¹, Е.В. Хахалкина²

¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

²Томский государственный университет (Томск, Россия)

The British Program for the "Reconstruction in Europe" in 1922: Political and Diplomatic Aspects

O.A. Arshintceva¹, E.V. Khakhalkina²

¹Altai State University (Barnaul, Russia)

²Tomsk State University (Tomsk, Russia)

В статье рассматривается процесс формирования британской программы восстановления Европы и дипломатические усилия премьер-министра Д. Ллойд Джорджа по ее продвижению накануне и во время Генуэзской конференции 1922 г. Конференция была одним из ключевых событий европейской дипломатии в период между двумя мировыми войнами. В 1922 г. 34 страны встретились, чтобы восстановить мир между победителями и побежденными, восстановить связи между Советской Россией и Западом и содействовать экономическому восстановлению Европы.

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена дискуссионными оценками Генуэзской конференции в современной зарубежной и отечественной историографии. Учитывая содержание этих дискуссий, авторы статьи исходят из того, что Ллойд Джордж предложил провести крупную экономическую и политическую конференцию, чтобы активизировать европейскую экономику и возродить пошатнувшееся состояние его коалиционного правительства. Он считал, что если бы Россия была открыта для мировой торговли, это позволило бы Германии процветать и выплачивать репарации Великобритании и Франции, которые затем могли бы погасить свои военные долги США. Примирение Германии с новыми принципами отношений с победителями ослабило бы опасения Франции в области безопасности, тем самым содействуя стабилизации Версальского миропорядка.

The article examines the process of formation of the British program for the "reconstruction of Europe" and the diplomatic efforts of Prime Minister D. Lloyd George to promote it on the eve and during the Genoa Conference of 1922. The Conference was one of the key events of European diplomacy between the two world wars. In 1922, thirty four nations met to restore peace between victors and vanquished, reestablish ties between Soviet Russia and the West, and promote the economic reconstruction in Europe. The relevance of the problem under study is due to the controversial assessments of the Genoa Conference in modern foreign and domestic historiography. Considering the content of these discussions, the authors of the articles proceed from the fact that Lloyd George proposed to hold a major economic and political conference to re-energise the European economy and revive the flagging fortunes of his coalition government. He believed that if Russia was opened to world trade, this would enable Germany to prosper and pay reparations to Britain and France, who could then repay their American war debts. Germany's agreement with the new principles of relations with the winners would abate France's security fears, thus contributing to the stabilization of the Versailles world order. However, the British program was not implemented, because Soviet Russia and Germany concluded the Treaty of Rapallo. Analyzing the reasons for the failure of D. Lloyd George, the authors come to the conclusion that they stem from the basic contradiction between the large-scale plan and the diplomatic miscalculations made by the British delegation on the eve and during the conference.

Однако британская программа не была реализована, потому что Советская Россия и Германия заключили Рапальский договор. Анализируя причины неудачи Д. Ллойд Джорджа, авторы приходят к заключению, что они вытекают из базового противоречия между масштабным замыслом и дипломатическими просчетами, допущенными британской делегацией накануне и в ходе конференции.

Ключевые слова: Генуэзская конференция, британская дипломатия, Д. Ллойд Джордж, программа «восстановления Европы», Рапальский договор.

DOI: 10.14258/izvasu(2023)3-07

В поисках путей стабилизации Версальского миропорядка державы-победительницы в первой половине 1920-х гг. прибегли к дипломатической практике проведения международных встреч для текущего обсуждения послевоенных проблем, с трудом поддававшихся решению. Повестка этих конференций включала разнообразные вопросы, связанные с реализацией версальских постановлений в отношении германских репараций, европейской безопасности и Лиги наций. Однако эти переговоры в основном продолжали традицию Парижской мирной конференции 1919 г.: ни побежденная Германия, ни Советская Россия не были вовлечены в этот процесс. Это обстоятельство, с учетом того, что США дистанцировались от европейских проблем, было объективным препятствием на пути преодоления послевоенного кризиса. Начало политического осознания сложившейся ситуации связано с инициативой британского премьер-министра Дэвида Ллойд Джорджа, который в 1922 г. предложил создать международную экономическую конференцию для обсуждения плана «европейской реконструкции» с участием германской и советской делегаций. Ответ на вопрос, чем стала Генуэзская конференция 1922 г. для британской дипломатии — успехом или серьезной неудачей, остается открытым. В поисках ответа на этот вопрос авторы статьи ставят цель рассмотреть истоки формирования, содержание и дипломатическое продвижение британского проекта «восстановления Европы» в рамках актуального исследования эволюции послевоенной европейской политики Великобритании и формирования новых подходов в отношении побежденной Германии и Советской России. Важным мотивом, стимулирующим исследовательский интерес к теме, является расширение доступа к оригинальным источникам, не только опубликованным, но и цифровым версиям архивных документов и материалов, отражающих деятельность послевоенного коалиционного кабинета Д. Ллойд Джорджа.

Подготовка, ход и результаты Генуэзской конференции 1922 г. — один из самых популярных

Keywords: Genoa Conference, British diplomacy, D. Lloyd George, the Program for "Reconstruction in Europe", Treaty of Rapallo.

сюжетов в истории международных отношений начала 1920-х гг., ему посвящено множество исследований в зарубежной и отечественной историографии. К 100-летию конференции в апреле 2022 г. были приурочены различные научные мероприятия. Для советских исследователей, что объяснимо, было принято подчеркивать успех молодой советской дипломатии, которой удалось разрушить «коварные» замыслы держав Антанты, в том числе по использованию Германии в своих целях, заключив в ходе конференции известный Рапальский договор. В новейших отечественных работах [1] авторы высказывают гораздо более взвешенные оценки, свободные от жесткого идеологического формата. Они подкреплены обширной источниковой базой, которая постоянно пополняется вводимыми в оборот архивными материалами. Это относится и к весьма сдержанной официальной версии, которую предлагает Историко-документальный департамент МИД РФ [2]. Также интересны попытки поместить историю становления советской дипломатии в контекст формирующегося послевоенного миропорядка и судьбы Версальской системы [3]. Это открывает новые перспективы для сопоставления советского и британского подходов к европейским проблемам, учитывая научную специализацию соавторов и публикации по соответствующей тематике [4].

Примечательно, что подобный подход к исследованию Генуэзской конференции и позиции Великобритании по основным вопросам ее повестки начал набирать популярность в британской историографии начиная с середины 1980-х гг. и до сих пор остается актуальным. Методологически он весьма перспективен, поскольку успех или провал конференции исследователями рассматривается в контексте более общей проблемы поиска путей стабилизации Версальского миропорядка на этапе его становления. При этом представители одного из направлений, например К. Финк, более глубоко рассматривают политико-дипломатические аспекты отношений между участниками Генуэзской конференции [5]. Известная исследовательница британской внешней политики С. Штайнер

в своей работе «Огни, которые погасли» рассматривает успехи и неудачи европейской стабилизации в более широком контексте эволюции международных отношений 1919–1933 г. [6]. Еще одна группа авторов, продолжая традицию, заложенную еще в 1919 г. британским экспертом-экономистом Дж. Кейнсом, в рамках комплексного подхода исследует взаимосвязь между послевоенным восстановлением европейской экономики, репарациями и военными долгами. При этом они учитывают позиции не только европейских участников, но и США. Так, отмечая возрастающий интерес американского руководства к экономическим проблемам Европы, ряд исследователей усматривают в указанной позиции истоки известного «плана Дауэса» 1924 г. К примеру, роли США в поддержке британской позиции и двусторонним усилиям по стабилизации европейской экономики и послевоенного порядка в целом посвящена работа П. Корса, который считает 1923 г. — год Рурского кризиса — переломным для перехода к «прогрессивной трансформации европейской политики» [7, р. 68–79].

Таким образом, разнообразие историографических подходов свидетельствует о дискуссионном характере рассматриваемой проблемы и подтверждает ее актуальность.

В условиях затянувшегося перехода от войны к миру европейские лидеры столкнулись с целым комплексом нерешенных проблем, которые требовали нестандартных подходов к их решению. Тогда как европейская экономика пребывала в состоянии послевоенного кризиса, международно-политическая ситуация характеризовалась не только противоречиями между победителями и побежденными и серьезными расхождениями в лагере победителей, но и беспрецедентным идейно-политическим расколом между западными странами и Советской Россией. Общий пацифистский фон периода мирного урегулирования способствовал усилению роли общественного мнения в поддержке принципов новой дипломатии и идеологии либерального интернационализма в противовес традиционной реалистской парадигме международных отношений (МО). Выдвижение в этих условиях политических лидеров нового типа, при всех различиях между ними (Ленин vs Вудро Вильсон, например) выглядело явлением закономерным. Дэвид Ллойд Джордж, безусловно, был одним из них.

Именно благодаря усилиям Ллойд Джорджа, поддержанным частью британской политической элиты, в Лондоне созрел проект интеграции побежденной Германии и Советской России, политически и идеологически враждебной по отношению к бывшим союзникам, в европейскую экономическую и международно-политическую систему. Следует отметить, что ни та, ни другая страна, при всех ограничениях их международного статуса, не были готовы к роли пассивного объекта британской политики, поэтому

для успешной реализации целей указанного проекта требовались поистине новаторские политико-дипломатические подходы. Политический опыт, авторитет и персональные амбиции британского премьера как нельзя более соответствовали новым внешнеполитическим вызовам. В послевоенный период Ллойд Джордж был, без сомнения, крупнейшей фигурой не только на национальной, но и европейской политической авансцене. Либеральный пацифист и реформатор на начальном этапе своей карьеры, Ллойд Джордж возглавил в 1916 г. коалиционный военный кабинет, чтобы довести «войну до победного конца». Он по праву считался одним из творцов Версальской системы, однако это не помешало ему инициировать постепенный отход от ряда принципиальных условий мирного договора с Германией, в частности, в вопросе о германских репарациях. Стремление отстоять британские интересы в Европе вполне гармонично сочеталось у него с личными претензиями на роль общеевропейского лидера, которые подкреплялись тем, что из руководителей держав Антанты, «делавших мир» в 1919 г., он единственный оставался у власти в три последующих года.

Таким образом, особый политический стиль Ллойд Джорджа, его нетрадиционный подход к проблемам внешней политики и уникальный личный опыт участия в решении послевоенных международных проблем объясняют феномен «дипломатии Ллойд Джорджа» и ведущую роль в процессе формирования европейской политики Великобритании в 1918–1922 гг. Именно в этом направлении премьер-министр широко использовал новаторские методы: в процессе разработки внешнеполитических решений он опирался на штат советников и личных помощников, отодвинув на второй план министра иностранных дел Керзона и Форин офис с их более традиционными дипломатическими подходами.

Новая британская инициатива была вызвана к жизни рядом экономических и внешнеполитических факторов. Тяжелое состояние послевоенной экономики Великобритании усугублялось перераспределением ролей на мировом финансовом рынке в пользу США, что делало еще более актуальным восстановление экономических связей внутри Европы, полностью или частично разрушенных во время войны. В Лондоне зрело убеждение, что решить эту задачу невозможно без вовлечения Германии и России в указанный процесс, хотя в самом британской руководстве существовали принципиальные разногласия по поводу перспектив отношений с этими странами. Внутриполитическая ситуация в Великобритании не была исключением на общеевропейском фоне: состояние политических элит стран послевоенной Европы было далеким от консенсуса, при этом острые дискуссии вызывали не только внутренние, но и международные проблемы.

Известно, что британские консерваторы в правительстве и парламенте придерживались жесткой антисоветской позиции, тогда как Ллойд Джордж и его сторонники ратовали за изменение политики в отношении России, поэтому с преувеличенными надеждами восприняли переход к нэпу как признак возвращения советской экономики к капитализму. Премьер-министр полагал, что именно Великобритания должна сыграть ведущую роль в процессе нормализации отношений между Западом и Советами, но для начала должны сложиться подходящие условия. Отчасти поэтому британское руководство заняло выжидательную позицию по вопросу оказания международной помощи России в связи с голодом 1921 г. В Лондоне внимательно следили за деятельностью Американской администрации помощи Г. Гувера и с нескрываемым беспокойством — за деятельностью Ф. Нансена от имени Красного Креста. Особые опасения вызывали планы предоставления советскому правительству «незащищенных» иностранных кредитов на льготных условиях [5, р. 12–13]. Когда в сентябре 1921 г. Ассамблея Лиги наций не одобрила предложения Нансена, для британских политиков наступил удобный момент для овладения инициативой в этом вопросе.

В сентябре 1921 г. глава Министерства торговли Ф. Ллойд Грим предложил собственный проект оказания международной помощи России, а в октябре по официальной инициативе Верховного Совета Антанты состоялась международная встреча в Брюсселе. Впервые в ней участвовали не только представители стран Антанты, но и — по настоянию британской стороны — германские делегаты, правда, без права голоса. По замыслам организаторов Брюссельской конференции, ее решения должны были стать альтернативой миссии Нансена и одновременно нейтрализовать неудачу международной комиссии И. Нуланса, в которой ведущая роль принадлежала Франции. Неслучайно, что в Брюсселе был принят именно британский проект, в рамках которого предполагалось, что России предоставят кредиты все западные страны, в том числе Германия [8, р. 782–785]. Логическим продолжением брюссельских соглашений стала идея созыва международной конференции с участием большинства европейских стран.

Британская инициатива совпала по времени с известной советской нотой от 28 октября 1921 г., в которой содержались условия нормализации отношений России и Запада. В Лондоне сочли, что для начала подготовки к будущей конференции сложились благоприятные условия, и с этого момента ближайшие советники Ллойда Джорджа приступили к разработке оригинальной программы урегулирования экономических и политических отношений в Европе. Важно отметить, что началу работы над новым проектом предшествовала эволюция британской по-

зиции по отношению к Германии, в первую очередь по поводу одной из самых острых проблем — проблемы репараций.

Репарационный вопрос объединял две линии послевоенных противоречий в Европе — принципиальные британо-французские разногласия, во-первых, и расхождения между союзниками и побежденной Германией, во-вторых. В ответ на принятую в мае 1921 г. новую, более мягкую схему репарационных платежей правительство Й. Вирта провозгласило «политику выполнения», что позволило британской стороне в дискуссиях с Францией взять на вооружение идею платежеспособности Германии в качестве основы для репарационных претензий. Этот принцип по сути воспроизводил ранее сформулированный Дж. М. Кейнсом тезис: поскольку Германия является ядром хозяйственной системы всего континента, то без восстановления ее экономики невозможно возрождение Европы, а необоснованные репарационные претензии препятствуют этому. Официальная позиция Лондона исходила из необходимости ослабления репарационного гнета, поскольку, с британской точки зрения, восстановление экономических связей на континенте было важнее получения максимальной суммы репараций. «Германия для нас является самой важной страной в Европе, и не только в силу нашей торговли с нею, но также потому, что она является ключом к ситуации в России. Помогая Германии, мы можем при нынешних обстоятельствах навлечь на себя обвинения в том, что будто бы бросаем Францию, но если Франция становится нашим союзником, подобное обвинение исключается» [9].

Подготовленный накануне заседания правительства в январе 1922 г. текст меморандума, цитата из которого приведена выше, содержит недвусмысленное указание на причину британо-французских разногласий. Для Франции, экономика которой непосредственно пострадала во время войны, репарации были не только средством экономического истощения побежденного врага, но и источником компенсации материальных потерь. Британская сторона не разделяла стремление Франции получить германские репарации любой ценой, что создавало основу для англо-германского сближения в репарационном вопросе. Не буква, но дух упомянутой «политики выполнения» правительства Вирта был ориентирован на поддержку указанного курса со стороны Великобритании. Эта политика хотя и вызывала возражения со стороны германских «ревизионистов», однако давала возможность германским руководителям, занимавшим более гибкую позицию, — канцлеру Й. Вирту и министру восстановления В. Ратенау — демонстрировать одновременно и добрую волю относительно репарационных обязательств, и обеспокоенность по поводу разрушительных результатов их выполнения. Таким образом, германская сторона могла пре-

тендовать на партнерство в решении европейских проблем и рассчитывать на уменьшение репарационных платежей. Вирт надеялся, что Великобритания в ближайшее время признает ревизию Лондонской схемы платежей, и его надежды активно поддерживал английский посол в Берлине д'Абернон, известный своей прогерманской позицией [10, р. 217].

В этих условиях советский фактор приобретал в англо-германском сближении в 1921 г. особое значение. В Лондоне были обеспокоены самостоятельными шагами германского правительства, которые были предприняты для нормализации экономических отношений с Советской Россией во второй половине 1921 г. Вирт и его сторонники в руководстве Веймарской республики выступали за лавирование между двумя векторами германской политики — ориентацией на «примирение» со странами Запада и сближением с Россией. При этом восточное направление соединяло два важных аспекта: кроме открывавшихся для экономики Германии перспектив оно становилось еще и политическим средством воздействия на Великобританию и другие страны Антанты. В. Ратенау подкреплял позицию канцлера Вирта расчетами на перспективы советско-германского сотрудничества. Если оно окажется успешным, то часть прибылей от экспорта в Россию поступит в Великобританию в качестве репарационных платежей, тем более, что ее экономика в гораздо меньшей степени, чем французская, зависит от натуральных германских выплат. В Лондоне по достоинству оценили германский проект, поскольку он в значительной степени соответствовал новым внешнеполитическим устремлениям Великобритании в Европе, которые были подкреплены поддержкой финансовых кругов.

Британское министерство финансов возглавлял Р. Хорн, единомышленник Ллойд Джорджа в вопросах европейской политики. Не случайно именно в стенах Казначейства в кругу ближайших советников премьер-министра и одновременно у британского посла в Берлине д'Абернона возникла идея связать вопрос о моратории на репарации с предполагаемыми переговорами с Россией. Это предложение органично укладывалось в рамки будущей программы «восстановления Европы» и соответствовало стремлению Ллойд Джорджа придать ей комплексный характер.

Проект предусматривал объединение репарационного вопроса, межсоюзнических долгов и восстановления российской и восточноевропейской экономики. При этом Ллойд Джордж руководствовался и чисто политическими соображениями: выступая с новой внешнеполитической инициативой, он рассчитывал не только подтвердить свою репутацию европейского лидера первой величины, но и укрепить собственные позиции внутри страны в условиях нараставших разногласий с коллегами-консерваторами в правительстве и парламенте [11, р. 140–145].

Поскольку согласование британской и германской позиций было достигнуто еще до окончательного оформления программы, то дипломатические усилия Лондона были направлены на решение еще более сложной задачи — добиться поддержки нового проекта со стороны Франции. На каждом из этапов последующих дипломатических дискуссий британскому премьеру пришлось мобилизовать все имеющиеся у него таланты переговорщика. Для начала он использовал в Лондоне министра финансов Лущера, который считался близким другом и единомышленником тогдашнего премьер-министра А. Бриана. Высказанные Ллойд Джорджем аргументы сводились к следующему: если Франция в ответ на невыплату репараций предпримет вторжение в Рур, то это будет означать конец англо-французской Антанты. И если Россия не будет интегрирована в европейскую экономическую систему с помощью совместных действий германских, французских, британских и американских бизнесменов, то Европу ждет мрачное будущее. Нельзя сказать, что все доводы оказались убедительными для французского министра, но Ллойд Джорджу удалось добиться от него признания, что ближайшая выплата Германией репараций в ее нынешнем финансовом положении вряд ли возможна [11, р. 23]. По итогам встречи Ллойд Джордж сумел получить от правительства полномочия для дальнейшего обсуждения с французами изменений репарационной схемы и проектов экономического восстановления России.

В ходе следующего этапа переговоров на встрече глав двух правительств, проходившей с 18 по 21 декабря, французскому премьеру А. Бриану предстояло сделать непростой выбор между несколькими вариантами решения трех основных вопросов повестки. Относительно репараций — требовать выполнения Лондонской схемы или согласиться с уменьшением платежей; в отношении Советской России — по-прежнему отвергать прямые контакты, рискуя оказаться вне международного консорциума, либо принять англо-германский проект; в вопросе безопасности — настаивать на двустороннем пакте с Великобританией или принять многостороннюю схему с участием Германии. Хотя у Бриана не вызывало энтузиазма ни уменьшение репараций, ни юридическое признание Советской России, но он был готов на уступки в обмен на франко-британский альянс. В итоге Ллойд Джордж сумел добиться от своего французского коллеги согласия на то, чтобы продолжить обсуждение экономической ситуации в Европе на конференции Верховного Совета Антанты в Канне в январе будущего 1922 г. [8, р. 780–784]. Несмотря на весьма скромные результаты лондонских переговоров, для британской стороны они завершили важную стадию продвижения новой внешнеполитической программы «европейской реконструкции».

Каннская конференция 6–13 января 1922 г. открывает следующий этап подготовки к Генуе, не менее сложный для британской дипломатии и персонально Ллойд Джорджа, поскольку ему предстояло окончательно добиться смягчения французской позиции по репарациям и признанию Советской России. Принятая в начале конференции резолюция в целом соответствовала британскому видению путей решения экономических и политических проблем на будущей конференции [8, p. 109–110] и, несмотря на исключение репарационного вопроса, ее можно было бы считать дипломатическим достижением Ллойд Джорджа. Однако политические оппоненты Бриана во Франции сочли, что он проявил излишнюю уступчивость Лондону, и вынудили его подать в отставку. Сменивший его на посту премьер-министра Р. Пуанкаре был сторонником жесткой позиции в отношении как Германии, так и России, поэтому после Каннской встречи Ллойд Джордж был вынужден заново добиваться от Франции подтверждения, что ее делегация примет участие в будущей конференции. Ценой французского согласия стал репарационный вопрос — Пуанкаре в ходе встречи с Ллойд Джорджем настоял на том, чтобы репарации были окончательно исключены из повестки конференции [8, p. 125].

Таким образом, в ходе непростого для британской дипломатии подготовительного периода первоначальный вариант проекта программы предстоящей конференции был урезан за счет репараций и сведен к проблеме взаимоотношений Запада и Советской России. В отличие от германского вопроса именно эта проблема вызвала острые дискуссии в правительстве, причем Ллойд Джорджу пришлось столкнуться с неоднородной, но весьма активной оппозицией справа. Она объединяла и непримиримый антикоммунизм У. Черчилля, солидарного с французской точкой зрения, и более умеренные взгляды О. Чемберлена и Биркенхеда, которые возражали против равноправного статуса Советской России на конференции. В итоге ради получения правительственных полномочий премьер-министр был вынужден согласиться с их частичным ограничением. Он полагал, что эта тактическая уступка профранцузски настроенным консерваторам не должна была стать препятствием на пути достижения основных целей конференции. Выступая в парламенте с изложением своей программы в апреле 1922 г., Ллойд Джордж сделал упор на ее главной цели — коренном улучшении экономической ситуации в Европе, результатом которой будет и повышение платежеспособности Германии, и выполнение репараций. Так он пытался противостоять высказанным консерваторами сомнениям в перспективах конференции и радикальной критике правительственной программы со стороны лейбористов, которые предлагали в Генуе начать с ревизии версальских постановлений

[12, cols 1883–1902]. В итоге большинством голосов палаты правительственная программа была принята, премьер получил необходимые полномочия, и формально подготовка Великобритании к переговорам в Генуе завершилась.

Известно, что Генуэзская конференция не оправдала английских расчетов и личных ожиданий премьера, связывавшего ее успех с упрочением своего внутриполитического положения. В условиях, когда три четверти членов кабинета были настроены нелояльно по отношению к премьер-министру [13, p. 197], Генуэзская конференция, по словам самого Ллойд Джорджа, должна была восстановить «его звезду в зените» [14, p. 368]. Однако даже он, выступая 25 мая 1922 г. в парламенте, не смог представить итоги конференции как безоговорочный успех [12, cols 2564–2587]. Главным разочарованием британского премьера стал известный Рапальский договор между Россией и Германией, заключенный во время работы конференции. Его сепаратный, по западным оценкам, характер опровергал основной тактический принцип британской дипломатии — держать под контролем действия Берлина, чтобы предотвратить самостоятельные двусторонние контакты, особенно с советской стороной. По смыслу этот договор не соответствовал целям конференции, о которых Ллойд Джордж не раз заявлял лично: восстановление финансовых и торговых связей, улучшение дипломатических контактов и преодоление споров, угрожающих миру в Европе. Советско-германский договор выводил отношения между двумя самыми «проблемными» странами послевоенной Европы за рамки комплексной программы «европейской реконструкции», предложенной британской стороной. Коль скоро Ллойд Джордж осуществлял личное руководство продвижением проекта, то должен был принять персональную ответственность за весьма скромные дипломатические достижения и явную неудачу конференции в целом.

Рапальский договор предусматривал восстановление полноценных дипломатических отношений между РСФСР и Германией. В его основу был положен так называемый «нулевой вариант», предложенный советской стороной на предварительных переговорах в Берлине. Советская Россия отказывалась от репараций, а Германия — от собственности своих граждан, конфискованной в России во время войны. Таким образом, экономические отношения между двумя странами начинались «с чистого листа».

Стороны также взаимно отказались от требований о возмещении военных расходов и невоенных потерь, согласовывали процедуру разрешения споров между собой. Стороны договорились также о развитии торгово-экономических отношений, признали принцип наибольшего благоприятствования в качестве основы своих правовых и экономических отношений. Правительство Германии выражало готовность под-

держивать деятельность частных немецких компаний в России. В отличие от Брестского мира 1918 г. в основу нового соглашения были положены принципы взаимной заинтересованности и равноправия сторон, а само экономическое сотрудничество усиливало их позиции на международной арене. Несмотря на выдвинутый Лениным принцип «мирного сосуществования», советская дипломатия не оставляла попыток внести раскол в отношения между странами Антанты и Германией, уменьшив ее зависимость от версальских обязательств.

Советско-германский договор явился неожиданным и болезненным ударом по интересам Великобритании и Франции, которые выступили с его решительным осуждением и расценили его подписание Германией без предварительных консультаций с ними как «яркий акт нелояльности», после чего отстранили ее от участия в работе политической комиссии [15, р. 28–37].

Реакция британской прессы на Рапалльский договор и действия британской делегации в Генуе свидетельствовала о том, что дискуссии вокруг проекта Ллойд Джорджа, развернувшиеся в политических кругах Великобритании накануне конференции, приобрели еще более острый характер. Лейбористская «Дейли Геральд» полностью оправдывала действия германской делегации — это правомерная реакция на ее отстранение от переговоров с советской стороной, это «восстание против диктатуры Антанты», против «версализма» британской и французской дипломатии [16]. Либеральная «Манчестер Гардиан» отстаивала полное право обеих сторон на подписание Рапалльского соглашения [17]. Прямо противоположной позиции придерживалась консервативная «Таймс», которая рассматривала советско-германский договор как результат попустительства со стороны британского премьера, называя его действия в Генуе «любительской дипломатией» [18]. Эти оценки во многом предопределили характер последующих дискуссий по поводу итогов конференции в Генуе для британской политики и персональной ответственности Ллойд Джорджа за неудачу планов европейской реконструкции.

Следует подчеркнуть, что сами идеи многостороннего и равноправного участия всех заинтересованных стран в политическом и экономическом процессах европейского восстановления не просто отвечали конъюнктуре момента, а несли в себе зародыши новых тенденций в международных отношениях. К ним можно в первую очередь отнести стремление преодолеть сложившуюся конфронтацию между Западом и Советской Россией, победителями и побежденными, т.е. более конструктивно отнестись к негативному опыту мировой войны и революций. Сам опытный дипломат и реалист, Г. Киссинджер считает инициативу Ллойд Джорджа «разумной попыткой обсудить

вопросы репараций, военных долгов и европейского восстановления в виде единого пакета проблем... Поскольку бессмысленно было говорить об экономическом возрождении Европы в отсутствие двух крупнейших стран континента (к тому же являвшихся основными должниками), впервые за послевоенный период на международную конференцию были приглашены Германия и Советский Союз, две парии европейской дипломатии. Результатом оказался не вклад в создание международного порядка, на что надеялся Ллойд Джордж, а возможность объединения двух изгоев» [19, с. 229–230].

Таким образом, новаторский характер программы европейской реконструкции отражал изменения британской позиции по отношению к Германии и Советской России, что, в свою очередь, свидетельствовало о наметившейся эволюции версальских постановлений. Однако весьма успешное согласование этих планов в ходе переговоров с французской и германской сторонами накануне конференции не привело к успешному завершению дипломатических усилий Ллойд Джорджа и его команды на самой конференции. Общеизвестно, что претензии, которые германские представители предъявляли британской стороне по поводу того, что их изолировали от переговоров с советской делегацией, имели под собой серьезные основания. Ллойд Джордж в Генуе не смог преодолеть некий «версальский синдром», т.е. противоречие между широковещательными декларациями и либерально-пацифистскими намерениями, с одной стороны, и недемократичными методами ведения переговоров на мирной конференции 1919 г. — с другой. Но этот тактический, хотя и серьезный просчет британской и в целом западной дипломатии не дает исчерпывающего ответа на вопрос, почему на Генуэзской конференции не было достигнуто соглашения между западными странами и Советской Россией. Конечно, какого-то одного, тем более простого объяснения причин не существует. Для этого необходим многофакторный и специальный анализ всех позиций, включая внутривнутриполитическое положение Советской России и особенности «ленинской» дипломатии, что выходит за рамки данной статьи. Ограничимся ссылкой на аргументированное мнение современного английского исследователя российско-западных отношений 1920-х гг. С. Уайта, который считает, что достижимое в принципе, подобное соглашение в тот момент было явно преждевременным и потому не состоялось [20, р. 208].

Итоги Генуи дали критикам Ллойд Джорджа очередную повод обвинять премьер-министра в допущенных им внешнеполитических просчетах, и хотя весной 1922 г. это не привело к отставке коалиционного кабинета, однако знаменовало начало перегруппировки политических сил в пользу консервативной части коалиции. В рядах критиков оказались не толь-

ко консерваторы, но и Дж. Кейнс, который подробно проанализировал экономические просчеты Запада в отношении Советской России, опубликовав серию статей на эту тему в «Манчестер Гардиан». В целом же, как он считал, конференция достигла успеха в пропаганде новых идей и улучшении общей атмосферы, хотя переговоры о российских долгах оказались «жалким повторением» союзнических дискуссий о репарациях [20, р. 209]. Гораздо более резкая оценка справа прозвучала в ходе обсуждения итогов Генуи в парламенте, особенно Палате лордов — премьера критиковали и за неудавшуюся попытку привлечь Советскую Россию «в семью цивилизованных наций Европы», и за просчеты «новой дипломатии», и за отстранение Форин офиса от ведения переговоров [21, col. 2–46]. Примечательно, что министр иностранных дел консерватор Керзон, безусловно, разделяя указанные кри-

тические оценки, в своем возмущении Рапалльским договором парадоксальным образом выступил поборником методов «новой дипломатии»: «Похоже, что мы, как и все великие континентальные державы, скатываемся в глубочайшую грязь довоенного предательства и интриг» [22, р. 211].

Оценивая итоги Генуи для британской политики в среднесрочной перспективе, следует отметить, что преемники Ллойд Джорджа извлекли определенные уроки из неудавшейся попытки объединения германского и «русского» вопросов и сформировали в 1923–1924 гг. две отдельные повестки — в репарационном и экономическом вопросах в переговорах с Германией для Лондонской экономической конференции и в вопросе политического признания Советской России лейбористским правительством Р. Мадональда в 1924 г.

Библиографический список

1. Быстрова Н.Е. Советская Россия на конференциях в Генуе и Гааге 1922 г.: взгляд из Кремля. М., 2020.
2. Генуэзская конференция и Рапалльский договор между Россией и Германией 1922 г. Информационно-справочные материалы. Историко-документальный департамент МИД РФ. URL: https://idd.mid.ru/informacionno-spravocnyie-materialy/-/asset_publisher/WsjViuPpk1am/content/genuezskaa-konferencia-i-rapall-skiij-dogovor-mezdu-gossiej-i-germaniej-1922-g-?inheritRedirect=false.
3. Романова Е.В. Советская Россия/СССР и трансформация системы международных отношений в первой половине 1920-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. № 3.
4. Аршинцева О.А. Великобритания и проблема стабилизации версальского миропорядка в первой половине 1920-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №3-2 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/velikobritaniya-i-problema-stabilizatsii-versalskogo-miroporyadka-v-pervoy-pолоvine-1920-h-gg?ysclid=letfyd14f785912585>.
5. Fink C. The Genoa Conference. The European Diplomacy, 1921–1922. Syracuse University Press, 1994.
6. Steiner Z. The Lights that Failed. European International History, 1919–1933. Oxford, 2005.
7. Cohrs P.O. The Unfinished Peace after World War I. America, Britain and the Stabilisation of Europe, 1919–1932. Cambridge, 2006.
8. Document on British Foreign Policy. First ser. Vol. XX. London, 1976.
9. CAB 23/29 January 10, 1922. The National Archives. Cabinet Memoranda 1922 to 1923. URL: <https://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/cabinet-gov/cab24-interwar-memoranda.htm#Cabinet%20Memoranda%201922%20to%201923>.
10. D'Abernon. From Versailles to Rapallo, 1919–1922. The Dairy of Ambassador. London, 1929.
11. Morgan K.O. Consensus and Disunity. The Lloyd George Coalition Government, 1918–1922. Oxford, 1979.
12. Parliamentary Debates. House of Commons. 5th ser. Vol. 152.
13. Johnes T. Whitehall Dairy. Vol. 1. London, 1969.
14. Ridell G.A. Lord Ridell's Intimate Dairy of Peace Conference and after, 1918–1923. London, 1937.
15. Papers Relating to International Economic Conference, Genoa, April — May, 1922. London, 1922.
16. The Daily Herald. 1922. April 19.
17. The Manchester Guardian. 1922. April 23.
18. The Times. 1922. April 20.
19. Киссинджер Г. Дипломатия : пер. с англ. М., 1994.
20. White S. The Origins of Détente: the Genoa Conference and Soviet-Western Relations, 1921–1922. Cambridge, 1985.
21. Parliamentary Debates. House of Lords. Vol. 51. 27 June 1922. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1922/jun/27/genoa-conference>.
22. Salzman S.C. Great Britain, Germany and the Soviet Union: Rapallo and after, 1922–1934. Ithaca, 2002. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.7722/j.ctt163tbk5>.